

Евгений Сливкин – поэт своей узнаваемой интонации и своего жеста. Стихи его разнообразны по тематике – он словно бы широким охватом видит жизненные события сегодняшнего дня, исторические факты разных эпох, сюжеты из частной жизни и масштабные движения человеческого бытия. Причём речь не идёт о том, чтобы каждое стихотворение было посвящено отдельной теме. Он переключает регистры, неожиданно взрывая динамику развития стихотворения, своеобразно совмещает иронию с острой пронзительной болью, тем самым добиваясь впечатляющего воздействия на читательское восприятие! Метафоры и поэтические образы словно рождаются на наших глазах, звук точен, словарь широк, поэт использует разнообразные пласты живой речи. Темперамент зашкаливает.

Д. Ч.

РЕКВИЕМ ФУТБОЛИСТУ

Полузащитник клуба «Авангард»
Евгений Сливкин умер от разрыва
сердечной мышцы. Молодость, азарт
его сгубили. После перерыва

не вышел он на поле. Увезли
в больницу, и, не приходя в сознание...
По зову сердца шеломянь земли
ему на грудь насыпали куряне.

В профуканном турнире он-таки
заделал два гола искусства ради!
Его игру ценили знатоки,
конечно, не в Москве, не в Ленинграде...

Тошлой он был, как изможденный глист,
но бороздил траву, что ваш бразилец –
провинциальный парень-футболист,
мой курский тезка и однофамилец.

Наверно, Бог, внезапно перестав
болеть за «Авангард», придумал повод
и перевёл его в другой состав,
где он теперь незаменимый форвард.

Лев Яшин спит и видит в мёртвых снах:
к двенадцатому приближаясь метру,
Евгений Сливкин в парусных трусах
летит по набегающему ветру.

* * *

Среди цветов, больных
ангиной,
кустов чахоточных в кругу
я в Оклахоме красноглинной
от крови горло берегу.

Как будто жизнь, себя удвоив,
пошла внезапно по косою
и меж индейцев и ковбоев
легла ничейной полосой.

В полях железные насосы,
как видящие всё насквозь
акмеистические осы,
земную всасывают ось.

А через город, точку то есть,
с судьбой совпавшую как раз,
течёт набитый нефтью поезд,
впадая буфером в Канзас.

Не торопясь доставкой груза,
он тормознёт и сдаст назад,
протяжный, как гипотенуза,
произведённая в квадрат.

И, заглушая топот стадный
вдоль непроложенных дорог,
ворвётся в прерию надсадный
незатихающий гудок.

ПОСЕТИТЕЛЬ

За городом – суровый диспансер,
одетый в панцирь мёртвой тишины.
Здесь в коридоре окликают: – Сэр! –
любого, если есть на нём штаны.

Нарколог доктор Хейден Донахью
тех пользуется по мере средств и сил,
кто в одиночку истину открыл
в безалкогольном, в общем-то, краю.

И пациенты после процедур
выходят на законный перекур
во дворик между строгих корпусов,
решёткой обнесённый с полюсов.

Они стоят у внутренней стены,
небрежно подперев её спиной,
от прошлого вполне отделены
из стеклотары сложенной стеной.

А я, который истин не постиг,
поодаль жду, от взглядов пряча взгляд,
когда же от зависимости их
последней наконец освободят.

Я для того и ошиваюсь тут,
чтоб к ним примкнуть без ведома врача,
когда они на выписку пойдут,
оборванные связи волоча.

* * *

Г. Э.

Уходил навсегда, чтоб нигде
никогда не воскреснуть, однако

много думал о Вечном жиде,
умирая от рака.

И твердил себе в полубреду,
мёртвой хваткой зажатый,
что и Вечному нужен жиду
по дорогам земли провожатый.

Так рванулся из цепких клешней
в одиночной палате,
будто выбрал другое проклятье,
и оно не казалось страшней...

СТУДЕНТКА

Пусть в психушку к тебе ходит Пушкин –
поделом ему, сев на кровать,
поправлять не строку, а подушку
и запястья тебе бинтовать.

Ну, а я, не поставив ни цента
на забег твоих сивых кобыл,
научил тебя аж без акцента
декламировать «Я вас любил...».

Становился твой взгляд откровенен,
мочка уха бренчала чекой,
и на коже наколотый Ленин
на плече твоём дёргал щекой.

И, последний урок отлагая,
я кружил, под ладонью держа
этот профиль, что где-то в Огайо
эпатировал ле буржуа.

Я поверить хотел до зареза
в возвышающий самообман,
но от горя загнулась Инеза,
от холеры – Инесса Арманд.

От таких вот, несхожих по сути,
крик в декретах, да мука в стихах –

то ли мозг разорвётся в инсульте,
то ль свинец заведётся в кишках!

МУРЕНЫ

На рынках приведённые в полон
по драхме шли – и даром не рубали!
И римский всадник Ведий Поллион
мурен кормил отменными рабами.

Под портиком сидел на холодке
и, мальчиков держа за подбородки,
смотрел, как в огороженном садке
всплывают галльских ягодиц ошмётки.

А время, провозвестник перемен,
сквозь всадника текло необратимо,
поскольку мясо нежное мурен
смягчало нравы населения Рима.

ВАРФОЛОМЕЕВСКОЕ УТРО

К. М.

В дому разор и мерзость, но при этом
музею он послужит образцом:
посмертный слепок в миске с винегретом
оставлен историческим лицом.

Всё колиньи да меченые гизы
отчеству торопятся в отцы,
а на полу – расплющенные гильзы,
дерьмо и кровь, и ржавые шприцы.

И ты с параличом в курином горле
стоишь, как будто в чем-то виноват:
дворяне свиты холодильник спёрли –
и некуда засунуть экспонат...

УРОК ИСТОРИИ

Бога м сворачивая скулы
прёт обезличенная сила:
гепиды, руги и герулы –
им указывает путь Аттила.
Античный мир не принял меры,
и с треском рушатся престолы
в свирепом веке нашей эры...
В казённом классе средней школы.
В него, как раб в каменоломню,
я шёл, бездушен и бесплотен,
и однокашников не помню:
Каверин, Лапушкин и Мотин.
От них остались на задворке
три буквы надписи заборной,
да и от школы – запах хлорки
из гардероба и уборной.

КУБИНСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

На флаге, солнцем разогретом,
застыла белая звезда,
и дым сигары над беретом
не улетает никуда.

Не наше дело, что за кадром –
воображению предел
кладёт оптический прицел
фотографа, промытый взглядом.

Дымясь от внутреннего жара
курильщика, – за правоту
его идей умрёт сигара,
сгорая медленно во рту...

Чтоб истощавшая общага
преобразилась в парадиз,
терпеньем с писчей поделись,
крупнозернистая бумага!

Ещё продолжится счастливо
поход смеющихся знамён,
ведь рукоблудник объектива
извечным детством наделён.

БАЛЛАДА О РОТМИСТРЕ МАРТЫНОВЕ

Помыслы об отдыхе отринув,
торопясь с вокзала на вокзал,
Александр Павлович Мартынов –
ротмистр – Россией проезжал.

Принимал по долгу службы близко
к сердцу он народную беду –
в сферах политического сыска
замечали яркую звезду.

Бич социалистов-демократов;
агентурных сведений – тома;
под присмотром Харьков и Саратов
и первопрестольная сама.

Прямо из карьерного надира –
в головокружительный виток!..
И берёт за обшлагом мундира
ротмистр застиранный платок.

Тот платок не для родного торфа,
что с собой увозят в дальний край,
в руку генерала Бенкендорфа
предпоследний всунул Николай.

И по всем губерниям недаром
с давних пор звучала исполать
корпуса отдельного жандармам,
снаряжённым слезы утирать.

В тот платок беспрецедентным шпаком,
на себя читая криминал,
в Третьем отделенье Пушкин плакал
и Некрасов нюни распускал.

Царский дар домашним жестом вынув, –
тоже не бездушный чинодрал! –
Александр Павлович Мартынов –
ротмистр – исправно утирал.

С вежливостью профессионала
уточнял несчастных имена,
но не поубавилось крахмала
в складках государственного льна.

Только похоронный крестик-трефа,
наподобье битого туза,
в уголке оставила Азефа
чересчур горячая слеза.

В креслах ногу на ногу закинув,
отражён поверхностью зеркал,
Александр Павлович Мартынов
ехал и «гавану» зажигал.

А за ним со скрежетом и скрипом,
«Варшавянкой» меря перегон,
полз укомплектованный «столыпин» –
некурящий сумрачный вагон.

А как захватили власть каналы,
поделились с ними, чем смогли,
посвятили их во все детали,
дали жало мудрыя змеи,
но платка – платка не передали
ротмистры жандармские мои!

ОРДЕН

Утопила мама мамина
Боевого Красна Знамени
орден папы тоже маминого –
революционера пламенного.

К той поре комбрига Гохмана
восемь лет тому, как грохнули,
но о нём на поминания
не простила бы Германия.

Вот и Марье Алексеевне
стукнул пепел неразвезанный,
и мыслишка в сердце юркнула –
отомстить за брата-юнкера.

Бэлла, говорит, Давыдовна,
я, уж вы простите, выдам вас
и скажу, что муж ваш были
комиссар и коммунист...

Поступить бы тут по-здешнему –
пусть она за дурь поплатится! –
побежать к энкавдэшному
человеку, да поплакаться.

Вышла бабка из парадного –
получить им с мамой отруби,
и по Невскому блокадному
заодно дошла до проруби.

Орден выскользнул из варежки,
как блесна для ловли корюшки.
Жалко. Штука не великая,
но семейная реликвия...

Нету слов своих и краденых –
рассказать, поставив рядышком,
ни про женщин бесхарактерных,
что греха не взяли на душу,

ни про тэ-тридцать четвёртые,
что прошли колонной маршевой,
как иконы чудотворные
крестным ходом патриаршим.

МЮНХГАУЗЕН

Короче всхлипа, длительней смешка,
на перекрёстке смёрзшихся дорог
военный звук почтового рожка
раздаться в ширь окрестную не смог.

Прошла без остановки на рыси
казённая карета почтаря,
покачивая задом на оси,
и скрылась с глаз, полозьями искря.

Когда же с крыш закапала вода,
и солнце встало не для похорон...
О лучше бы наврал он, как всегда,
тот старый боденвердерский барон!

Оттаял замороженный сигнал,
но был в нём – за версту – надрыв и сбой,
как-будто неврастеник зарыдал
и тут же засмеялся над собой.

КОНГО

Не нажил менеджер седин,
не свил одежд белее снега,
но этот зоомагазин –
обломок Ноева ковчега.

В ушах стоит собачий лай,
и мыши рыщут по карманам,
а Конго, серый попугай,
под колпаком сидит стеклянным.

На продавца глядит едва,
и к детям равнодушен тоже,
и горлом делает слова,
которых сам понять не может.

Он повторяет их один,
но эха нет в стеклянном шаре –
и проникает в магазин
надменный крик непарной твари.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ДЕТСТВЕ

На корабле из крашеной фанеры
засняли патентованным «Зенитом»,

чтоб в океане, всем ветрам открытом,
в свою звезду он не утратил веры.

И в жестяном, как банка, самолёте
его сфотографировали ФЭД-ом
в залог того, что трусоватость плоти
не подорвёт стремления к победам.

Он был запечатлён на крутобоком
и терпеливом ослике однажды,
как будто предвкусил духовной жажды
и подрастал в отечестве пророком.

С молодых ногтей позировал он стольким
фотографам умело-расторопным!
Но старичок, всегда пытавший «Зорким»
со вспышкой и штативом допотопным,

не выполнил условий уговора
и взгляд его оставил без ажюра
там – в одиночной камере обскура
за шторкой невзводимого затвора.

ИСКУССТВО ЭСКИМОСОВ

Из кости вырезал такую
скульптуру мирный иннуит:
гиганта карлик атакует
и сам от ужаса кричит.

И великаний рот – разорван,
изнанка желтью налита,
как будто выхлебал он ворвань
из эскимосского котла.
А карлик близится и, тужась,
в гиганта мечет острогу;
до неба вырастает ужас,
врагом внушаемый врагу.

Им друг от друга нет спасенья –
они сработаны вдвоём
из кости белого тюленя,
на льду забитого живьём.